

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С71

Серия «Романтика любви»

Nicholas Sparks

A WALK TO REMEMBER

Перевод с английского *В.С. Сергеевой*

Компьютерный дизайн *А.И. Орловой*

Печатается с разрешения издательства
Grand Central Publishing, New York, New York, USA
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Спаркс, Николас.

С71   **Спеши любить: [роман] / Николас Спаркс; [пер. с англ. В.С. Сергеевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 224 с. — (Романтика любви).**

ISBN 978-5-17-096926-5

Тихий городок Бофор.

Каждый год Лэндон Картер приезжает сюда, чтобы вспомнить историю своей первой любви...

Историю страсти и нежности, много лет назад связавшей его, парня из богатой семьи, и Джейми Салливан, скромную дочь местного пастора.

Историю радости и грусти, счастья и боли.

Историю чувства, которое человеку доводится испытать лишь раз в жизни — и запомнить навсегда...

**УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44**

© Nicholas Sparks Enterprises, 1999

© Перевод. В.С. Сергеева, 2008

ISBN 978-5-17-096926-5   © Издание на русском языке AST Publishers, 2019

*Моим родителям, которых я люблю и помню, —
Патрику Майклу Спарксу (1942—1996) и Джил
Эмме Марии Спаркс (1942—1989), а также брату
Мике и сестре Даниэле, от всей души.*

ОТ АВТОРА

Хочу поблагодарить свою жену Кэти. Я был в восторге, когда она приняла мое предложение; и еще более рад тому, что за десять лет мы не утратили своих чувств. Спасибо ей за лучшие годы моей жизни.

Я благодарен своим сыновьям Майлсу и Райану, которые занимают особое место в моем сердце и для которых я просто папа. Я люблю их обоих.

Спасибо Терезе Парк, моему агенту, другу и соратнику. Словами невозможно выразить то, сколь много она для меня сделала.

Джейми Рааб, редактор «Уорнер букс», на протяжении последних четырех лет также не-

изменно становится объектом моей признательности. Он лучше всех.

Спасибо всем тем, кто поддерживал меня на этом пути, — Лари Киршбауму, Морин Иген, Джону Эйхерну, Дэну Мэнделу, Ричарду Грину, Скотту Швимеру, Линн Гаррис, Марку Джонсону и Денизе Ди Нови. Я счастлив, что мне довелось работать с ними.

ПРОЛОГ

В семнадцать лет моя жизнь изменилась навсегда.

Некоторые люди удивляются, услышав это. Они смотрят на меня, словно пытаясь угадать, что именно могло случиться в далеком прошлом, но я редко снисхожу до объяснений. Я готов рассказывать не иначе как на собственных условиях — а это займет куда больше времени, чем обычно готовы уделить мне слушатели. Эту историю не уложишь в две-три фразы, ее невозможно превратить в нечто простое. Хотя прошло сорок лет, еще живы те, кто знал меня в молодости, — и они не станут спрашивать. Моя история в некотором роде и их история тоже, потому что все мы — ее участники.

Мне пятьдесят семь, но даже сейчас я помню случившееся до мельчайших деталей. Часто воскрешаю в памяти то время, переживаю его заново и неизменно испытываю странную смесь печали и радости. Иногда мне хочется вернуться в прошлое и исправить ошибки, но я понимаю, что тогда уйдет и радость. Поэтому смиряюсь со своими воспоминаниями и принимаю все как есть. Мысли о былом уводят меня далеко-далеко. И это случается чаще, чем вы могли бы подумать.

Сегодня двенадцатое апреля. Идет последний год XX века; выходя из дому, я оглядываюсь. Небо пасмурное и серое, но повсюду цветут азалии и кизил. Не до конца застегиваю куртку. На улице холодно, но я знаю — всего через пару недель погода наладится, а облака разойдутся. Придет пора, когда Северная Каролина станет одним из самых прекрасных мест на свете.

Я закрываю глаза, и годы начинают обратный отсчет подобно стрелкам часов, которые крутятся в другую сторону. Словно со стороны наблюдаю за тем, как становлюсь моложе; волосы делаются из седых каштановыми, морщинки вокруг глаз разглаживаются, мускулы становятся крепче. Уроки, выученные с годами, забывают-

ся, по мере приближения достопамятного года ко мне возвращается невинность.

Мир, как и я, начинает меняться: дороги сужаются, асфальт сменяется гравием, городские улицы — проселками. Прохожие заглядывают в витрины, проходя мимо булочной и мясной лавки. Мужчины в шляпах, женщины в платьях. На здании суда в конце улицы звонит колокол.

Я открываю глаза и понимаю, что стою перед дверью баптистской церкви. Меня зовут Лэндон Картер, и мне семнадцать лет.

Вот моя история, обещаю ничего не пропускать.

Сначала вы будете улыбаться, а потом плакать — и не говорите, что вас не предупреждали.

ГЛАВА 1

В 1958 году Бофор, что расположен в Северной Каролине неподалеку от Морхед-Сити, ничем не отличался от большинства маленьких городков. В этих местах влажность летом настолько высока, что, выйдя на минутку за почтой, покрываешься потом. Дети с апреля по октябрь бегают босиком среди дубов, поросших испан-

ским мхом. Водители машут из окон машин, когда замечают прохожих, — не важно, знакомых или нет, — а в воздухе пахнет хвоей, солью и морем. Уникальный аромат Каролины. Многие здешние жители занимаются рыбалкой в Памлико-Саунд и крабовым промыслом в Ньюз-Ривер, поэтому вдоль всего Берегового канала причалены лодки. Связь плохая, и телевизор едва работает, хотя для тех, кто вырос здесь, это не так уж важно. Центром нашей жизни всегда являлась церковь — а их только в пределах города стояло восемнадцать: Христианская братская церковь, Церковь прощенных, Церковь воскресного искупления и так далее. Во времена моего детства баптисты были самой многочисленной конфессией в здешних краях, их церкви возвышались буквально на каждом углу — и каждая считала себя лучше остальных. В городе имелись баптисты всех сортов — Свободной воли, южные, конгрегационалисты, миссионеры, независимые... короче говоря, вы меня поняли.

В те времена одна из баптистских церквей — так называемая Южная, — объединившись с местной средней школой, взялась оказывать поддержку одному важному мероприятию. Каждый год в Бофорском драматическом театре органи-

зовывали «рождественское представление», то есть ставили пьесу, написанную Хегбертом Салливаном, местным священником, который служил здесь, наверное, со времен Моисея. Это, конечно, преувеличение, но от старости Хегберт сделался каким-то прозрачным. Кожа у него была очень тонкая — честное слово, было видно, как кровь бежит по венам, — а волосы белые, точь-в-точь шерстка у пасхального кролика.

Так или иначе он написал пьесу под названием «Рождественский ангел», потому что ему надоело из года в год ставить классическую «Рождественскую песнь» Диккенса. В представлении Хегберта Скрудж был язычником, который раскаялся лишь потому, что увидел призраков, не ангелов, — а где сказано, что они снизошли с небес? И кто поручится, что Скрудж вновь не впадет в грех? В пьесе об этом ничего не говорится, зрители вроде как принимают все на веру, но Хегберт не доверял призракам, если не мог удостовериться, что их послал Бог. В том-то и была проблема. Несколько лет назад он изменил концовку пьесы Диккенса, точнее, дописал; в его версии старик Скрудж стал проповедником и отправился в Иерусалим искать место, где Иисус некогда учил апостолов. Вышло не слишком убе-

дительно; даже прихожане восприняли новшество с явным удивлением, а в газете написали: «Хотя трактовка, конечно, интересная, но все-таки это не та пьеса, которую мы все знаем и любим...»

Поэтому Хегберт решил сочинить собственную пьесу. Всю жизнь он писал проповеди; некоторые из них, должен признать, действительно были небезынтересны, особенно когда речь заходила о «Божьем воздаянии за блуд». Честное слово, священник просто из кожи вон лез, когда заговаривал о прелюбодеянии, это был его конек. В детстве мы с приятелями прятались за деревьями, когда видели старика на улице, орали ему вслед «Хегберт — прелюбодей!», хихикали как идиоты и, конечно, считали себя самыми умными существами из всех, что когда-либо населяли нашу планету.

Старина Хегберт замирал как вкопанный и наострял уши — клянусь, они действительно шевелились! Он густо краснел, будто хлебнул бензина; на шее надувались огромные зеленые жилы, похожие на карту реки Амазонки в Национальном географическом атласе. Прищурившись, он оглядывался в поисках хулиганов, а потом столь же внезапно вновь начинал бледнеть, пока кожа

не обретала прежний безжизненный оттенок. Клянусь, на это стоило посмотреть.

Повторяю, мы прятались за деревом, а Хегберт (надо же было родителям дать ему такое имя!) стоял и ждал, пока мы не выдадим себя, — видимо, он считал нас круглыми дураками. Мы зажимали рты руками, чтобы заглушить смех, но в конце концов Хегберт неизменно нас вычислял. Он поворачивался, пока не оказывался лицом к нашему укрытию, и взгляд его блестящих глаз устремлялся прямо на меня.

— Я знаю, что это ты, Лэндон Картер, — говорил он. — И Бог тоже знает.

Подождав минуту для пушшего эффекта, Хегберт шагнул прочь, а во время воскресной проповеди указывал на нас и провозглашал что-нибудь вроде: «Бог милостив к детям, но и дети не должны Его разочаровывать». Мы сползали под скамью не от стыда, а чтобы скрыть новый приступ смеха. Странно, но Хегберт совершенно нас не понимал — а ведь у него у самого был ребенок. Дочь. Хотя об этом позже.

Так или иначе, как я уже сказал, однажды Хегберт написал «Рождественского ангела» и решил его поставить. Сама по себе пьеса была вовсе не плоха, что изрядно удивило зрителей на премье-